

Когда все эти бурные эмоции рассеялись, остались лишь долго не утихающие стыд и бессилие. Впервые он так трезво и рационально осознал, насколько велика дистанция между ним и тем светом, за которым он молча следил и восхищался с детства.

Он вдруг понял, почему при первой встрече на танцполе в баре «Цзуйсэ» этот Альфа проявил к нему такое ненавязчивое уважение, отличающееся от всех остальных Альфа-гостей в баре, почему он не пожалел огромных денег, чтобы заказать его для сопровождения, но не сделал ничего большего, отдав всё это время ему самому.

Он не знал, когда Чэн Цзыянь узнал его, и не понимал, почему тот его нашёл, но он предпочёл бы, чтобы Чэн Цзыянь вообще не узнал его.

«Такого недостойного, пропитанного вульгарностью».

Но по сравнению с полными жалости и сочувствия взглядами, он бы предпочёл увидеть разочарование в глазах Чэн Цзыяня. Это хотя бы означало бы, что те радостные моменты из прошлого действительно существовали, что он когда-то обладал такой заботой, но теперь ему пришлось её предать.

Он не осмеливался мечтать о том, чтобы снова обладать этим светом. Он был слишком ярким, слишком горячим, заставляя его чувствовать свою нынешнюю низость и недостойность, заставляя его прятаться в темноте, тихо храня остатки тепла от этого света.

В тишине дыхания казалось, что прошло лишь несколько секунд молчания, а может, и десятилетие, наполненное взлётами и падениями.

Чэн Цзыянь не знал, о чём думал Кэ Чи, но он видел, как бледный Омега перед ним снова обрёл спокойствие, и даже привычная улыбка, которую он обычно демонстрировал на танцполе в «Цзуйсэ» перед Альфами, появилась на его лице. Она была прекрасна, но в глазах Чэн Цзыяня казалась настолько фальшивой, будто её нарисовали кистью.

Он смотрел, как этот Омега, который вот-вот раскрыл бы свою мягкую сущность, снова спрятался в невидимой тюрьме, которую сам же и построил, позволяя стенам окружить себя, даже если это оставит его самого израненным.

— Это господин Чэн. — Кэ Чи улыбнулся, подняв взгляд в сторону Чэн Цзыяня, но не осмелился встретиться с ним глазами, лишь едва уловимо остановив взгляд на пустоте за его спиной. — Прошло так много лет, я действительно не помню. Не ожидал, что вы сможете меня узнать.

Чэн Цзыянь не ожидал такого ответа. Он открыл рот, но не смог сразу найти слов, чувствуя лишь лёгкую иронию. Ему было трудно поверить, что этот Омега, который в самый уязвимый период течки беспомощно звал его имя, в трезвом уме встретил его с такой отстранённостью.

«Что они теперь собой представляют?»

Кэ Чи, кажется, понял замешательство Чэн Цзыяня. Он опустил голову, медленно поднял руки и потянул одеяло к плечам, спрятав обе руки под одеялом, где его аккуратно подстриженные ногти впивались в кожу, оставляя глубокие следы. Только так он мог смягчить тупую боль в груди, когда спокойно произносил эти безжалостные слова.

— Спасибо вам за вашу поддержку и заботу в те годы. Теперь она больше не нужна.

Чэн Цзыянь смотрел на него, повторяя слово за словом:

— Поддержку?

— Можно считать, что мы друзья. — Руки Кэ Чи под одеялом были готовы прорвать кожу, но на его лице не было ни тени слабости. Он всё ещё крепко держался за последний слой защитной оболочки, которую давала ему роль звезды «Цзуйсэ». — Если в следующий раз вы придёте, я сделаю вам скидку 15%.

— А как насчёт директора Люй? Ты больше не навещаешь её? Ведь она так тебя любила. — Чэн Цзыянь глубоко нахмурился, пытаясь найти в его выражении хоть какую-то зацепку.

— Я, конечно, благодарен за заботу директора. — Кэ Чи едва заметно улыбнулся и наконец медленно поднял глаза, встретившись взглядом с Чэн Цзыянем. — Но я уже несколько лет как покинул приют. Я регулярно отправляю деньги и выполняю свои обязанности. Вам не нужно беспокоиться.

Губы Альфы плотно сжались от гнева и глубокого разочарования, а в глазах бурлили сложные эмоции. Но в итоге он ничего не сказал, лишь с трудом отступил на шаг назад, выпустил тяжёлый вздох через нос, повернулся и ушёл, открыв дверь.

Был уже четвёртый час утра. После ухода Альфы он, вероятно, сразу отправился домой отдыхать.

Кэ Чи медленно повернул голову к тёмному окну, и нарисованная улыбка окончательно исчезла с его лица, оставив лишь глубокую растерянность и самокритику.

Он подумал, что хорошо, что тот ушёл. Такой энергичный и чрезвычайно талантливый Цзыянь не должен быть связан с этим местом, а уж тем более с ним самим и этим хаосом течки.

После стольких лет разлуки тот Альфа-подросток, который когда-то пришёл к нему с лучами рассвета и подарил ему бесконечную нежность, стал гораздо более зрелым и стабильным. Его черты лица стали более резкими и привлекательными, с врождённой харизмой Альфы, но при этом он сохранил свою неизменную мягкость и элегантность. Даже когда он не узнал его, он смог отбросить все предрассудки и проявил к нему уникальное уважение и заботу.

«Но он — свет. Как я, трусливый человек, который должен владеть существованием в темноте, могу приблизиться к нему?»

Чэн Цзыянь покинул «Цзуйсэ» в четыре часа утра. Остановившись в ближайшем отеле в деловом районе, он вспомнил, что не предупредил мать, но было уже слишком поздно, чтобы её беспокоить. Он решил не отправлять сообщение, а объясниться утром, вернувшись домой.

Проведя первую волну течки с Кэ Чи и отправившись в ближайшую аптеку за подавителем посреди ночи, Чэн Цзыянь, умывшись и лёжа в гостиничной кровати, лишь потом осознал свою усталость.

За окном небо начинало светлеть, звёзды на огромном небосводе исчезли, но он не чувствовал сонливости. Закрыв глаза, он продолжал видеть образ Кэ Чи.

Кэ Чи, источающий аромат роз, жадно обнимающий его плечи в поисках утешения. Кэ Чи, который, вернувшись в сознание, тускло отпустил его и остался лежать на узкой кровати. И Кэ Чи, у которого на краях глаз всё ещё виднелись следы слёз, но который собрал всю свою

слабость и вдруг стал отстранённым и недоступным.

Он вдруг не мог вспомнить, каким был Кэ Чи в детстве. В носу всё ещё витал сладкий и горький аромат роз, постепенно стирая чистый образ Кэ Чи, оставшийся в его сердце десять лет назад.

Десять лет назад он с братской заботой относился к тому Кэ Чи, и даже до прошлой ночи он продолжал чувствовать нечто подобное.

Но сейчас?

Он вдруг не мог с уверенностью сказать, что считает Кэ Чи своим младшим братом.

«Какой брат ложится в постель со своим братом?»

Даже если они в любом случае не были братьями.

Чэн Цзыянь ворочался, но не мог уснуть. Хотя и тело, и душа были измотаны, сознание оставалось ясным. Воспоминания юности и события последнего времени смешались в его голове.

На встрече одноклассников Чэн Цзыянь спросил о приюте, куда студенты ежегодно отправлялись на практику. Несколько дней назад он нашёл время, чтобы посетить его, но не знал о произошедших за эти годы изменениях. Он лишь услышал от других учителей, что директор, становясь старше, стала хуже себя чувствовать.

Директор Люй, казалось, не сильно изменилась по сравнению с тем мягким и добрым Омега-женщиной, которую он помнил. Её некогда чёрные и блестящие волосы были подстрижены, и седина в них вызывала грусть. На её лице появились следы времени, но её мягкая аура осталась неизменной.

Её зрение ухудшилось, на носу были очки в чёрной оправе, и она похудела. На тыльной стороне руки был синяк от частых капельниц, но её дух был бодрым. Когда Чэн Цзыянь поставил корзину с фруктами и представился, она посмотрела на него несколько мгновений и вспомнила его, что стало для него неожиданностью.

— Цзыянь, — Люй Чэнь помахала ему рукой, улыбаясь и показывая на стул, — прошло почти десять лет с тех пор, как я тебя видела. Ты стал выше, чем тогда, и крепче.

— На втором курсе старшей школы я уехал учиться за границу, — кивнул Чэн Цзыянь, улыбаясь и поддерживая беседу. Заметив, что ей трудно его слышать, он слегка повысил голос.

— В этом году я вернулся из-за открытия филиала компании и пришёл навестить вас.

<http://bllate.org/book/16759/1562899>